

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.4

УДК 316.4.06: 14 | ББК 60.028.13+60.54-44

© Попов А.В.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА¹

ПОПОВ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: ai.popov@yahoo.com

Социальная эксклюзия является относительно новым понятием, появившимся в научно-политическом дискурсе в конце XX века в ходе активной критики концепции государства всеобщего благосостояния, которая провозглашала верховенство принципов равенства возможностей и справедливого распределения богатства. Перемещение акцентов с искоренения бедности на создание условий для обеспечения доступа депривированных групп населения к социетальным институтам интеграции позволило значительно расширить существующие представления о положении людей в обществе с выходом далеко за рамки экономических проблем. Актуальность темы исследования обусловлена глобальными преобразованиями в экономической, социальной, политической и иных сферах жизни. В современном мире для эффективного осуществления модернизационных изменений необходимо формирование общества нового типа, создающего возможности для самовыражения и самореализации людей. Социальная эксклюзия же ограничивает использование потенциала части населения, которая неспособна участво-

Цитата: Попов А.В. Взаимосвязь социальной эксклюзии и модернизации регионального сообщества // Социальное пространство. 2018. № 2 (14). DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.4

Citation: Popov A.V. The correlation between social exclusion and modernization of the regional community. *Social area*, 2018, no. 2 (14). DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.4

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества (2016–2018 гг.)».

вать в жизни общества. В силу непроработанности научного направления в отечественной науке в статье предпринята попытка на примере регионального сообщества выявить взаимосвязь между исключенностью людей из социума и модернизацией. Гипотезой исследования является предположение о том, что социальная эксклюзия отдельных категорий населения препятствует модернизационным преобразованиям. На основании разработанных индикаторов: индекса социальной инклюзии, дающего представление о защищенности уязвимых категорий граждан в социуме, и индекса модернизации регионального сообщества, отражающего готовность людей к изменениям, касающимся саморазвития, освоения новых технологий, знаний и навыков, включения в инновационную деятельность, – выявлена прямая связь инклюзии социально уязвимых категорий населения и уровня модернизации регионального сообщества. Расчеты, основанные на данных социологического опроса, проведенного Федеральным государственным бюджетным учреждением науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» в 2017 году, подтвердили выдвинутую гипотезу: чем выше индекс социальной инклюзии, тем выше индекс готовности к модернизации регионального сообщества. В заключение делается вывод о необходимости построения инклюзивного общества в России.

Социальная эксклюзия, модернизация, ментальность, ценности, социальная инклюзия, региональное сообщество.

Введение

В современном мире роль человеческого фактора в развитии экономики и общества не вызывает сомнений. Население в этом случае выступает как источник и как объект преобразований, что накладывает определенные ограничения на протекание модернизационных процессов. В соответствии с классическими теориями модернизации социально-экономический прогресс лежит в основе трансформаций в социальной, культурной, политической и иных сферах, затрагивающих жизненные цели и убеждения людей [1, с. 229; 2, с. 86]. Изменение личностных ценностей, в свою очередь, оказывает воздействие на демократические институты, придавая все большее значение гражданским правам и свободам человека, гендерному равенству, политической открытости и т. д. В результате происходит формирование общества нового типа, создающего возможности для личностного самовыражения и самоактуализации. Однако на практике реализация данной последовательности может быть осложнена влиянием множества факторов, среди которых весомая роль отводится культурным традициям, накладывающим отпечаток на устоявшиеся в обществе представления мировоззренче-

ского характера [3, с. 16]. Подобным образом многие ученые описывают различия в социально-экономическом развитии между странами бывшего СССР и Западной Европы, когда, несмотря на рост благосостояния населения, закрепление демократических принципов в сознании людей происходит неодинаково, что отражается на реализации идей человеческого развития [4, с. 32].

Как показывают исследования, сложившаяся в России система ценностей не способствует модернизационным преобразованиям [5, с. 67]. Это объясняется незавершенностью ее трансформации и общей нестабильностью [6, с. 23], что вкупе с особенностями национального менталитета приводит к противоречивости между желаемым и действительным. С одной стороны, российское общество обладает значительным социокультурным ресурсом для модернизационного рывка и в целом готово к переменам [7, с. 173–174], а с другой – заметная часть населения является в той или иной мере «исключенной» из социума [8, с. 17] и не может влиять на происходящее в стране². Причем это касается не

² Стоит уточнить, что мнение россиян о невозможности повлиять на происходящие в стране процессы является достаточно распространенным (в соответствии с опросом, проведенным Левада-Центром в 2016 году, с данным тезисом согласны более 70% населения) [9]. При этом перечень причин подобного отноше-

только наименее защищенных категорий граждан, уязвимость которых закреплена в нормативно-правовых актах (беженцы, дети-сироты, инвалиды, ветераны боевых действий и т. д.), но и достаточно благополучных слоев населения (впрочем, в соответствии с психологическим подходом социальной исключенности может быть подвержен абсолютно любой человек [10, с. 557]). Как правило, эксклюзия проявляется в нарушении социальных связей: нестабильности и распаде семьи, снижении доверия и социальной солидарности, одиночестве, социальной изоляции [11, с. 154]. По разным оценкам, в настоящее время данное явление затрагивает от 15 до 50% россиян [12, с. 61]. Согласно результатам опроса общественного мнения «Евробарометр» за 2010 год, около 16% респондентов стран ЕС отметили, что чувствуют себя вне социума. При этом среди находящихся в тяжелых жизненных ситуациях (безработица, невозможность своевременно оплачивать счета, низкий уровень доходов и т. д.) доля исключенных заметно повышается, вплоть до 40% [13]. Поскольку социальная эксклюзия приводит к недоиспользованию потенциала общества, ее исследование является чрезвычайно актуальным в контексте модернизационных преобразований в России и мире в целом.

По своей сущности социальная эксклюзия представляет собой процесс маргинализации, связанный с ограниченным доступом индивидов или групп людей к социальным институтам интеграции [14, с. 159], и выступает следствием дискриминационных практик в обществе и депривации самих исключенных [15, с. 45]. В научной литературе подобные проявления в основном связывают с крайней бедностью и неблагополучием [16, с. 181]. С момента концептуализации понятия «социальная эксклюзия» Р. Ленуаром в 70-х гг. XX века было сформировано достаточно большое количество подходов к пониманию сущности данного явления. Сегодня

ния людей к институциональной среде выходит далеко за рамки социальной эксклюзии. В своем примере мы акцентируем внимание на тех группах людей, которые не участвуют в общественной жизни в силу ограниченности доступа к социальным институтам интеграции.

общественно-политический дискурс сменился обсуждением появляющихся научных теорий, а сугубо экономическая природа социальной исключенности обрела новые смыслы [17, с. 45]. В своих исследованиях зарубежные и отечественные ученые помимо углубления теоретических воззрений изучают положение в обществе как отдельных уязвимых категорий населения (пожилые люди, молодежь, инвалиды), так и депривированных групп (дети-сироты, наркозависимые, освобожденные из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, люди с ВИЧ и т. д.). Особое внимание уделяется факторам социальной эксклюзии, которые с развитием общества претерпевают большие изменения, а также разработке и реализации механизмов инклюзии в различных сферах жизнедеятельности.

Активное развитие получило научное направление по изучению влияния распространенности исключенности как негативного явления в обществе на социально-экономические преобразования. Так, в ряде работ была установлена прямая связь между экономическими изменениями (где ВВП используется в качестве ключевого показателя) и различными аспектами социальной сплоченности на индивидуальном, групповом и институциональном уровнях [18, с. 26; 19, с. 33–34; 20]. Подобного рода исследования являются относительно новыми для отечественной науки и не являются широко представленными. В связи с этим возникает простой по содержанию, но достаточно сложный по смыслу вопрос – является ли социальная эксклюзия в России ограничителем модернизации? Для ответа на него в статье предпринята попытка на основе эмпирических материалов выявить взаимосвязь между данными процессами на примере регионального сообщества.

Гипотезой настоящего исследования является предположение о том, что социальная эксклюзия отдельных категорий населения препятствует модернизации регионального сообщества. Расширение возможностей включения индивидов или групп людей в

экономические, социальные, культурные, гражданские и иные процессы будет способствовать трансформации общественного сознания в направлении преодоления вызовов современности. Речь идет о формировании новых ценностных ориентаций (креативность, стремление к самореализации, инициативность и т. д.) и образцов поведения (участие в общественно-политической жизни страны, саморазвитие и профессиональный рост, инновационная деятельность и т. п.), способствующих модернизационным преобразованиям.

Для проверки поставленной гипотезы нами был предложен инструментарий социологического исследования методом раздаточного анкетирования населения, позволяющий оценить, с одной стороны, субъективное восприятие социальной защищенности уязвимыми группами населения в контексте различных угроз и опасностей, с другой – готовность населения и его отдельных групп к изменениям в различных сферах жизнедеятельности. На основе соответствующих блоков вопросов были разработаны индикаторы – индекс социальной инклюзии и индекс модернизации регионального сообщества, с помощью которых выявлялась связь между эксклюзией социально уязвимых категорий населения и уровнем модернизации регионального общества.

Индекс социальной инклюзии (Иси) построен на основе самооценок населением своей защищенности от различных опасностей и угроз (адаптирован методический подход Н.И. Лапина [21]). Обоснование предложенного подхода кроется в сущности сплоченного общества, в котором люди вне зависимости от их социально-демографических характеристик чувствуют себя в безопасности, доверяют социальным институтам и участвуют в процессе общественно полезной деятельности [22]. Содержательный смысл предложенного показателя заключается в определении включенности индивидов / группы населения в социум посредством оценки их/ее уязвимости пе-

ред бедностью, одиночеством, произволом чиновников и т. д. Ответы респондентов на вопрос «Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?» фиксировались с помощью 5-балльной шкалы: от крайне отрицательного (1 балл) до крайне позитивного (5 баллов). Количественное значение ответов определялось как взвешенная средняя арифметическая. Итоговый показатель вычислен как среднее арифметическое от частных индексов, оценивающих защищенность населения от различных опасностей.

Индекс модернизации регионального сообщества (Имрс) разработан на основе самооценок респондентов готовности к преобразованиям в различных сферах жизнедеятельности (адаптирован методический подход Ю.М. Пасовец [23]). В данном контексте модернизация рассматривается нами как социальный феномен, драйверами которого выступают изменения в сфере культуры, ментальности и мировоззрения [24, с. 5]. Поскольку трансформационные процессы в России до сих пор являются ответом на вызовы со стороны развитых стран, внедрение нововведений происходит по принципу «сверху-вниз», в результате чего население отстраняется от участия в модернизационных преобразованиях. Это порождает дисбаланс между обществом и государством, что ограничивает возможности инновационно-технологического прорыва. В связи с этим осознание людьми необходимости изменений имеет большое значение в контексте модернизации.

Для определения степени готовности населения к модернизационным процессам нами был задан вопрос «Насколько Вы готовы..?», где респондентам предлагалось оценить ряд позиций с помощью 4-балльной шкалы (1 балл соответствовал ответу «не готов», 4 балла – «реализую уже сейчас»). Формирование индикатора осуществлялось аналогично расчету индекса социальной инклюзии.

Анализ субъективного восприятия социальной защищенности уязвимыми группа-

ми населения и их готовности к изменениям в различных сферах жизнедеятельности, а также расчет индексов социальной инклюзии и модернизации регионального сообщества осуществлялись на основе данных социологического опроса населения Северо-Западного федерального округа «Социокультурная модернизация регионов», проведенного Федеральным государственным бюджетным учреждением науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» в 2017 году³.

В качестве социально уязвимых групп населения нами рассматривались молодые специалисты, пожилые люди, инвалиды и представители многодетных семей (в т. ч. многодетные матери). Обоснование данной типологии связано с концепцией социальной эксклюзии, в соответствии с которой индивиды с определенными социально-демографическими характеристиками или социальным статусом имеют повышенный риск потери связей с остальной частью общества. Следствием этого может быть исключенность отдельных групп людей из различных сфер жизнедеятельности (экономической, социальной, политической и т. д.). В частности, рассматриваемые категории населения в значительной степени недоиспользуют накопленный трудовой потенциал из-за существующих ограничений в сфере социально-трудовых отношений. В свою очередь, наличие ограничений доступа к рынку труда и нестабильность занятости в научной литературе рассматриваются как ключевые факторы социальной эксклюзии [14, с. 161; 25, с. 1640]. Более подробное описание представлено в публикациях

³ Социологический опрос совершеннолетнего населения Северо-Западного федерального округа «Социокультурная модернизация регионов» был проведен Федеральным государственным бюджетным учреждением науки «Вологодский научный центр РАН» в 2017 году. Анкетирование проходило в Вологодской, Мурманской, Калининградской и Новгородской областях, а также в Республике Карелии. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Объем выборки составляет 3108 человек, ошибка выборки не превышает 5%.

членов научной группы по проекту РФФИ № 16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества» [26; 27].

Стоит отметить, что в силу ограничений, связанных с инструментарием проведенного социологического опроса, численность лиц с ограниченными возможностями в выборке является несколько заниженной, что накладывает определенные ограничения на полученные выводы. Кроме того, для обеспечения представительства молодых специалистов нами использовалась более широкая, нежели применяемая в научной практике, нормативно-правовых актах или внутриорганизационных документах [28], трактовка данной категории, которая не учитывает такие критерии, как трудовой стаж и трудоустройство по полученной специальности (табл. 1). Обозначенные условности хотя и могли сказаться на отдельных результатах исследования, по нашему мнению, не повлекли за собой искажение итоговых выводов.

Основные результаты

Как показатели результаты опроса, степень социальной защищенности населения от различных опасностей заметно варьируется (табл. 2). Респонденты отмечают, что наибольшую уязвимость они испытывают от бедности (57%), одиночества (46%), произвола чиновников (41%) и правоохранительных органов (38%), а наименьшую – от притеснений из-за пола (10%) или возраста (23%). Каждый четвертый также отметил незащищенность от преследований за политические убеждения. Перечень самых острых социальных опасностей не претерпевает серьезных изменений и в динамике. Данные региональных исследований «Социокультурный портрет региона», проведенных в 8 субъектах РФ в 2006–2009 гг., свидетельствуют о том, что угрозы бедности и произвола со стороны властей были актуальными и в более ранние годы, хотя проблема одиночества выглядела куда менее выраженной в от-

Таблица 1. Критерии отнесения респондентов к рассматриваемым в исследовании уязвимым группам населения

Параметр	Уязвимая категория населения			
	Молодые специалисты	Пожилые люди	Инвалиды	Многодетные семьи
Критерии отнесения к группе	– возраст от 18 до 29 лет; – наличие профессионального образования; – наличие оплачиваемого места работы	– возраст старше трудоспособного	– наличие ограничений по состоянию здоровья	– наличие двух или более детей
Удельный вес в генеральной совокупности, %	12,1	31,4	1,8	11,7

Источник: здесь и далее – данные опроса «Социокультурная модернизация регионов», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2017 г.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?» (варианты ответа «пожалуй, не защищен» и «совсем не защищен») в разрезе социально уязвимых категорий населения, %

Вариант ответа	Молодые специалисты	Пожилые люди	Инвалиды	Многодетные семьи		Все население
				среднее	в т. ч. матери	
От бедности	52,8	59,4	67,3	55,1	58,4	57,0
От одиночества	40,1	50,1	52,7	46,0	49,8	45,6
От произвола чиновников	37,1	42,5	45,5	39,4	38,8	41,4
От произвола правоохранительных органов	37,9	37,9	38,2	35,3	35,4	38,2
От преследований за политические убеждения	24,7	23,8	25,5	22,9	24,4	24,0
От притеснений из-за Вашего возраста	10,9	31,8	34,5	22,3	22,0	23,1
От притеснений из-за Вашего пола	6,1	11,9	14,5	10,2	11,5	9,9

Примечание: данные ранжированы по столбцу «Все население».

ветах опрошенных [29, с. 175–177]. Причиной тому могут являться атомизация российского общества, нарастание в нем отчуждения, вызванные снижением доверия государству как социальному институту [30, с. 59].

В разрезе уязвимых групп населения иерархия социальных опасностей выглядит аналогичным образом. При этом субъективное восприятие защищенности у пожилых людей и инвалидов заметно хуже, нежели у населения в целом. В частности, это касается таких угроз, как бедность, одиночество, произвол чиновников и притеснения из-за возраста. Примечательно, что пенсионеры чувствуют себя более уязвимыми, нежели лица

с ограниченными возможностями здоровья. Среди представителей многодетных семей несколько выделяются женщины, которые отмечают большую подверженность бедности и одиночеству. Молодые специалисты в силу возрастных особенностей реже сталкиваются с теми или иными опасностями [31, с. 142], в результате чего характеризуются наибольшей защищенностью. Несмотря на это, удельный вес отметивших уязвимость от бедности и одиночества достаточно высок (53 и 40% соответственно), что не может не вызывать обеспокоенность. Далее обратимся к вопросам готовности населения к модернизационным изменениям.

Как показывают исследования, готовность России к вызовам будущего в контексте развития ключевых сфер управления государством оценивается крайне сдержанно: в 2017 году по данному индексу она занимала 12 позицию из 20 стран G20 («большая двадцатка») [32]. Усугубляют положение непростые взаимоотношения общества с модернизацией. В частности, существует мнение, что значительная часть россиян не хочет перемен и всячески им сопротивляется [33, с. 4]. Результаты социологического опроса «Социокультурная модернизация регионов» показывают, что только каждый второй респондент заявил о позитивных намерениях в отношении изучения и использования новых технологий (59%), личного и профессионального развития (58%), усвоения новых ценностей и образцов поведения, соответствующих современному образу жизни (52%). В меньшей степени отмечается заинтересованность в инновационной деятельности (36%), изучении иностранного языка (31%) и участии в общественно-политической жизни страны

(18%; табл. 3). Несмотря на ограниченность вариантов ответов, полученные сведения позволяют с уверенностью говорить о невысокой готовности населения к модернизационным преобразованиям.

Среди уязвимых групп населения молодые специалисты демонстрируют наибольшую готовность к изменениям, превосходя средние оценки по выборке в целом. По нашему мнению, подобный результат объясняется, с одной стороны, высокой вовлеченностью молодежи в различные образовательные программы, с другой – нацеленностью на реализацию собственных идей, стремлением к изучению всего нового. Готовность представителей многодетных семей к изменениям заметно ниже, чем у молодых специалистов и населения в целом, а абсолютными аутсайдерами в этом отношении являются пожилые люди и инвалиды.

Полученные результаты косвенным образом свидетельствуют о наличии связи инклюзии социально уязвимых категорий населения с уровнем модернизации регионального сообщества. На основании

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы готовы..?» (варианты ответа «реализую уже сейчас» и «готов») в разрезе социально уязвимых категорий населения, %

Вариант ответа	Молодые специалисты	Пожилые люди	Инвалиды	Многодетные семьи		Все население
				среднее	в т. ч. матери	
Изучать и использовать в своей работе и в быту новые технологии	77,7	32,4	36,4	44,9	42,6	59,0
Осваивать новые знания и навыки, лично и профессионально развиваться	84,4	23,2	27,3	40,2	38,3	58,2
Усваивать новые ценности, образцы поведения, соответствующие современному образу жизни	70,8	27,4	30,9	38,8	38,3	51,8
Заняться инновационной деятельностью (участвовать в создании чего-то нового)	55,7	13,0	18,2	23,4	23,0	35,5
Изучить иностранный язык	53,3	10,7	25,5	18,5	18,7	31,1
Заняться общественно-политической деятельностью (участие в работе творческих организаций, профсоюзов, политических партий и т. д.)	25,2	10,9	7,3	13,5	15,3	18,2

Примечание: данные ранжированы по столбцу «Все население».

Таблица 4. Индекс социальной инклюзии и индекс модернизации регионального сообщества в разрезе уязвимых категорий населения

Категория населения		Индекс социальной инклюзии	Индекс модернизации регионального сообщества
Молодые специалисты		0,601	0,627
Многодетные семьи	среднее	0,594	0,459
	в т. ч. матери	0,593	0,452
Инвалиды		0,578	0,431
Лица пожилого возраста		0,569	0,405
Все население		0,591	0,528

данных социологического опроса было установлено: чем выше субъективное восприятие социальной защищенности, тем выше готовность людей к модернизационным преобразованиям. Для подтверждения поставленной гипотезы произведем расчет индексов социальной инклюзии и модернизации регионального сообщества, обозначенных ранее, и сравним их значения.

Расчеты показали прямую связь между индексом социальной инклюзии и индексом модернизации регионального сообщества (табл. 4). Так, молодые специалисты наряду с наибольшей социальной защищенностью ($I_{cu} = 0,601$) демонстрируют самую высокую готовность к изменениям ($I_{mrc} = 0,627$). За ними следуют представители многодетных семей (индексы равны 0,459 и 0,594 соответственно) и инвалиды (0,431 и 0,578 соответственно).

Наиболее консервативной из исследуемых групп выступает категория лиц пенсионного возраста ($I_{mrc} = 0,569$), которая одновременно является и наименее защищенной ($I_{cu} = 0,405$). Данные результаты позволяют сделать вывод о негативном влиянии социальной эксклюзии уязвимых категорий населения (среднее значение I_{cu} для населения в целом = 0,591) на модерни-

зацию регионального сообщества, уровень которой достаточно низок ($I_{mrc} = 0,528$).

Заключение

Таким образом, в исследовании подтверждена гипотеза о связи инклюзии социально уязвимых категорий населения и активизации модернизационных процессов регионального сообщества. Социальная исключенность индивидов или групп людей негативно сказывается на готовности общества к изменению ценностных ориентаций и норм поведения для эффективного ответа на вызовы современности. В связи с этим приоритетным направлением политики государства должно стать не только развитие передовых отраслей экономики, модернизация существующих производств, но и построение инклюзивного общества, в котором люди вне зависимости от пола, возраста, состояния здоровья или социального статуса будут полноправными участниками всех сфер жизнедеятельности. Это позволит в конечном итоге сформировать среду, благоприятную для модернизационных преобразований. Достижение указанной цели невозможно без повышения уровня и качества жизни населения, развития институтов гражданского общества, укрепления господства права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Побережников И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. 2001. № 4. С. 217–246.
2. Аверкиева Е.С. Модернизация и экономическое развитие: институциональные факторы роста общественного благосостояния // Journal of Institutional Studies. 2014. Т. 6. № 3. С. 83–95.
3. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
4. Englebret K., Nygren B. (eds.). *Russia and Europe: Building Bridges, Digging Trenches*. New York: Routledge, 2010. 304 p.
5. Лебедева Н.М. Ценностный компонент в характеристике русского национального характера и его влияние на экономическое развитие России // Мир психологии. 2009. № 3. С. 58–68.
6. Лебедева Н.М., Ясин Е.Г. Культура и инновации: к постановке проблемы // Форсайт. 2009. Т. 3. № 2. С. 16–26.
7. Готово ли российское общество к модернизации: аналит. докл. / под общ. ред. М.К. Горшкова. М.: Ин-т социологии РАН, 2010. 179 с.
8. Тихонова Н.Е. Социальная эксклюзия в российском обществе // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 5–17.
9. Россияне сняли с себя ответственность за страну // АНО Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2016/07/13/rossiyane-snyali-s-sebya-otvetstvennost-za-stranu/> (дата обращения 10.01.2018).
10. Шмидт В.Р. Междисциплинарный подход к проблеме социальной эксклюзии // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 4. С. 547–566.
11. Антонова В.К. Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 2. С. 151–170.
12. Ефлова М.Ю. Социальная эксклюзия депривированных групп (наркозависимых и людей, живущих с ВИЧ) в российском обществе: дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04. Саранск, 2015. 393 с.
13. *Special Eurobarometer 355: Poverty and Social Exclusion. European Commission*. Available at: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_355_en.pdf (accessed 10.01.2018).
14. Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 158–166.
15. Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. Социология. Этнология. 2003. Т. 12. № 1. С. 36–84.
16. Русинова Н.Л., Панова Л.В. Социальные неравенства и ограниченность ресурсов социального капитала как препятствия консолидации российского общества // Условия и возможности консолидации российского общества / отв. ред. А.В. Дука, И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 164–218.
17. Sen A. *Social Exclusion: Concept, Application, and Scrutiny*. Manila: Asian Development Bank, Office of Environment and Social development, 2000. 54 p.
18. De Haan A. *Social inclusion and structural transformation: concepts, measurements and trade-offs*. Vienna, 2015. 33 p.
19. Buvinić M., Mazza J., Deutsch R. (eds.). *Social Inclusion and Economic Development in Latin America*. Washington: Inter-American Development Bank, 2004. 361 p.
20. Dell'Anno R., Amendola A. Social Exclusion and Economic Growth: An Empirical Investigation in European Economies. *The Review of Income and Wealth*, 2015, vol. 61, no. 2, pp. 274–301.
21. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация–2010). М.: ИФ РАН, 2010. 111 с.
22. *Perspectives on Global Development 2012. Social Cohesion in a Shifting World*. OECD. Available at: <http://www.oecd.org/site/devpgd2012/49067839.pdf> (accessed 28.03.2018).
23. Пасовец Ю.М. Специфика готовности населения российских регионов к принятию модернизационных преобразований // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 3. С. 183–192.
24. Соколова Г.Н. Модернизация как технологический и социальный феномен: Беларусь – Россия // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 3–12.

25. Wacquant L. Urban Marginality in the Coming Millennium. *Urban Studies*, 1999, vol. 36, no. 10, pp. 1639–1647.
26. Эксклюзия как критерий выделения социально уязвимых групп населения / А.А. Шабунова [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2. С. 29–47. DOI: 10.15838/esc.2016.2.44.2
27. Смолева Е.О. Основные подходы к исследованию ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения // Социальное пространство. 2016. № 4 (6). URL: <http://sa.vssc.ac.ru/article/2014> (дата обращения 10.01.2018).
28. Жукова А. Молодые специалисты – особая категория? // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2011. № 6. С. 88–95.
29. Ласточкина М.А. Социальная защищенность населения в России: обзор исследований последних лет // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 2 (26). С. 171–179.
30. Морев М.В., Каминский В.С. Социальное настроение: факторы формирования и территориальные особенности // Проблемы развития территории. 2014. № 4. С. 48–66.
31. Каминский В.С. Социальное самочувствие населения Вологодской области в 2010–2015 гг. // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 1 (25). С. 136–147.
32. Индекс готовности к будущему // Международный дискуссионный клуб «Валдай». URL: https://www.wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2017/2017-10-18_igb.pdf (дата обращения 10.01.2018).
33. Ясин Е.Г. Модернизация и общество // Вопросы экономики. 2007. № 5. С. 4–29.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попов Андрей Васильевич – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: ai.popov@yahoo.com. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Popov A.V.

THE CORRELATION BETWEEN SOCIAL EXCLUSION AND MODERNIZATION OF THE REGIONAL COMMUNITY¹

Abstract. Social exclusion is a relatively new concept which emerged in the scientific and political discourse at the end of the 20th century amid criticism of the concept of a welfare state, which proclaimed the supremacy of principles of equal opportunities and wealth distribution. The shift of the emphasis from eradication of poverty to creating conditions to ensure access for vulnerable population groups to social institutions of integration has greatly expanded existing perceptions of people's situation in the society, going far beyond economic problems. The relevance of the research lies in global transformations in the economic, social, political and other spheres of life. In the modern world, effective implementation of modernization changes requires the formation of a new

¹ The article was prepared with financial support from the Russian Foundation for Humanities grant no. 16-18-00078 “Mechanisms of overcoming mental barriers of inclusion of socially vulnerable population groups to enhance the modernization processes in the regional community (2016–2018)”.

type of the society which would create opportunities for people's self-expression and self-realization. Social exclusion limits the potential of a part of the population unable to participate in the social life. Due to the underdeveloped research area in the Russian science, the article attempts to identify the correlation between people's exclusion from the society and modernization on the example of the regional community. The research hypothesis is the assumption that social exclusion of certain population groups prevents modernization. Based on the developed indicators: the social inclusion index, which gives an idea of the safety of vulnerable population groups in the society, and the regional community modernization index, reflecting people's willingness to change in terms of personal growth, new technology, knowledge and skill development, inclusion in innovation activities, – a direct correlation of inclusion of socially vulnerable population groups and the level of regional community modernization. Calculations based on data of the sociological survey conducted by the “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” in 2017 confirmed the hypothesis: the higher the social inclusion index, the higher is regional community modernization index. The author concludes that it is necessary to build an inclusive society in Russia.

Social exclusion, modernization, mentality, values, social inclusion, regional community.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Popov Andrei Vasil'evich – Research Associate at the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail ai.popov@yahoo.com. Phone: +7(8172) 59-78-10.